
ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ

А.А. Разин

10.7256/2070-8955.2013.01.7

ЭТНОКУЛЬТУРА: МЕСТО И РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Часть 2. Окончание

Аннотация. В статье культура рассматривается в узком смысле слова, как система, возвышающая человека. По мнению автора, нет абстрактной мировой культуры: она состоит из суммы этнокультур, представляющих собой стройную систему. Традиционная (этническая) культура нуждается в сохранении как социальная технология, способствующая становлению целостного человека. А глобализация, свойственная нашей цивилизации, порождает носителей эклектичной бездуховной масс-культуры.

Ключевые слова: психология, природа человека, этнокультура, мировая культура, консерватизм, социальный прогресс, социальная технология, становление человека, национальный нигилизм, духовность.

*Нами овладела, как чума, ужасающая мания
европеизации. Когда человек начинает стыдиться
своих предков — это конец.*
Свами Вивекананда

*Культура может называться высокой, если даже
она не создала техники или скульптуры, но её так не
назовут, если ей не хватает милосердия.*
Йохан Хейзинга

Этнопедагогика

Удмурт не любит поучать людей и своих детей воспитывает без морализования, без порицания. В связи с этим весьма иллюстративна следующая притча.

В одной семье родилась дочь. Молодая мамаша раздраженная тем, что из-за ребенка не успеваешь работать по хозяйству, бранила его словом «шайтан». В результате девочка стала «шайтан воштэм» — превратилась в оборотня. Оборотень в образе ребенка без конца плачет. А мамаша, ничего плохого не подозревая, без конца качает колыбельку и кормит «дочку» грудью. Прошло уже 18 лет, а ребенок не растет, только плачет. Спас их странник. Услышав жалобу родителей, что их дочь много лет не растет, а все плачет, он понял, что дело нечисто, подошел к колыбельке, взял ребенка за ногу и швырнул под порог. Родители кинулись к порогу и видят, что вместо ребенка там лежит головешка. «Вы вместо ребенка оборотня кормили», — сказал странник.

Вскоре в избу зашла 18-летняя красавица, поклонилась родителям и промолвила: «Я ваша дочь. Меня в течение восемнадцати лет в плену держали шайтаны. Спасибо доброму человеку», — поблагодарила она странника.

Мораль притчи: нельзя разбрасываться словами, какими словами называешь ребенка, таким он и становится. Все же нельзя пользоваться бранными словами «шайтан», «черт». Если вместо Бога поминаешь шайтана, если часто чертыхаешься, то у *Кылчина* (ангела-хранителя) уже недостает силы противостоять нечистой силе.

Сущность этнопедагогики сводится к безмолвному воспитанию — от сердца к сердцу. Родитель своей любовью, примером трудолюбия, терпеливости, милосердия, духовности, буферности, добросовестности и чуткости добивается гораздо большего, чем школьная дидактика, назидание, нотации. Он вводит ребенка в мир через систему табу и соблюдение обычаев, обрядов, ритуалов, заведенных предками.

В основе удмуртской народной педагогики лежит труд. Любой труд вынуждает работника думать. Любой труд приучает преодолевать себя. Видя результаты своего труда, ребенок вырастает в собственных глазах и обретает чувство достоинства. Чувство собственного достоинства — это стержень личности. Любой мужчина становится мужчиной через труд (созидание материальных и духовных ценностей). Утвердившись в собственных глазах и глазах окружающих как создатель, он становится уверенным в себе, в своих

способностях, возможностях. Далее он ведет себя, как самодеятельный человек.

Об оценке роли труда говорит то, что у удмуртов более 1000 пословиц и поговорок, посвященных труду: «Уж зарнилэсь но дуно», «Ужамъя ужам потэ», «Котькыче ужлэн аслаз чеберез вань», «Кин маин котсэ тыре: со — крезен, мон — тирен», «Ужаса уд кулы». По пониманию удмурта, жизнь — это труд. Он никогда не жалуется на тяжелую работу, не говорит «устал», это для него было бы равносильно сказать «устал жить» или «устал дышать». Когда действительно нуждается в передышке, извинительно произносит: «Жадем кадь луи» (малость подустал).

Понятие о счастье у удмурта увязано с трудом: «Кизили кадь пиштыны эн тыршы, кузьыли кадь пишмытыны тыршы», «Дэремед ке оз котмы, нянед шог йотоз», «Зеч ке ужад, зеч сиёд», «Умой улэмед ке потэ, музъемез яраты», «Ужась муртэ котькытын ярато». «Ужаса уд кулы», «Ужатэк шайтан мед улоз», «Сопал дуннеын шутэтском». С древних времен удмурты уловили, что счастье заключается не в обладании чужим добром. Действительно, человек становится человеком не через женитьбу на царевне, а благодаря созидательной деятельности, вкусив плодотворный труд. Разбогатея вне своего труда, человек не способен ценить богатство, даже добытое родителями. По этому поводу есть поговорки: «Атаедлэн малэзлы гинэ оскид ке, номыртэк кылёд», «Капчиен шедьтэм ваньбур, капчиен ик быре»¹. Удмурты презирают человека, промотавшего отцовское наследство, про него презрительно говорят: «Атай юртсэ быдтись».

Более сотни удмуртских поговорок посвящено осуждению лени: «Шырасьтэм кочыш изъянтись луэ», «Азьтэм мурт гинэ кураськыны потэ», «Азьтэм висёнлэсь но урод», «Азьтэмлэн дэремез но висе», «Дась ужамзэ сиыны усто». Действительно, ленивый человек не может совершенствоваться (ни физически, ни духовно), не может раскрыть свой талант. Кроме того, встает закономерный вопрос: «Разве ленивый человек может быть добрым? Разве можно быть добрым за счет чужого труда?» Человека, живущего за счет присвоения чужого труда, называют грабитель, вор, мошенник.

Удмурт живет неспешно и везде успеваает. Когда спрашивают «как дела?», отвечает «каллен» (потихоньку) или отшучивается «калленом, удмуртским манером» и любую работу старается выполнить добросовестно и творчески. Благодаря трудолюбию, является оптимистичным, энергичным, жизнерадостным, к

коллизиям относится по-философски. Но осуждает жадность (*напсиё* — жадный, *напсиасьыны* — жадничать): «Напсиаськыны уг яра, напси со — карапси» (жадность приводит к беде, трагедии).

В этнопедагогической системе ребенок воспитывается через труд и традиционную культуру, тем самым способствует формированию чувства собственного достоинства, способствует формированию в структуре личности «мотора», «руля» и «тормоза». Если у мальчика своевременно не было возможности проявить себя через созидательную деятельность, то у него не формируется стержень личности, и жизнь свою он посвящает самоутверждению, а не поиску истины и самосовершенствованию.

Этнопедагогика не приемлет насилие. Моя мама никогда не заставляла меня что-либо делать, задание давала деликатно в форме пожелания или просьбы. Сама выросла в среде, в которой за всю жизнь ни разу не слышала порицания. Она выросла в многодетной семье с доброжелательными, душевными отношениями, поэтому все братья и сестры стали внимательными, чуткими, предупредительными, приучились понимать состояние другого человека, брать с него пример.

Песня в жизни удмурта

Удмурт поет с утра до вечера. Песня — это своеобразная медитация и способ ухода от стресса в мир сюжетной песни (в мир молодости, мир автора песни). Народная песня — это творчество. Песня — это способ общения на душевном уровне, способ взаимопонимания. Песня — это потребность самовыражения души.

Благодаря музицированию, люди открываются друг другу сильнее, чем при словесном общении, даже инструментальная музыка преображает человека, а вокал, как известно, обладает еще более сильным воздействием. Совместное музицирование — это сакральное действо, и оно не проходит бесследно. Лев Толстой в повести «Крейцера соната» устами своего героя Василия Позднышева говорит, что «музыка сразу непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душой и вместе с ним переносюсь из одного состояния в другое...». А когда автор песни допускает слушателя к кухне своего творчества, то тем более завораживает, гипнотизирует слушателя.

Далее у Льва Толстого читаем: «В Китае музыка — государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними что хочет. <...> На меня, по крайней

¹ Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т.Г. Перевозчикова. Устинов, Удмуртия. 1987. С. 13-37.

мере, вещь эта подействовала ужасно; мне как будто открылись совсем новые, казалось мне, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор. Да вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как, как будто говорилось мне в душе. Что такое было то новое, что я узнал, я не мог себе дать отчета, но сознание этого нового состояния было очень радостно. Все те же лица, и в том числе жена, и он, представлялись совсем в другом свете»². Будучи гениальным человеком, Лев Николаевич обнаружил могучую силу музыки, почувствовал огромные возможности влияния музыки на человека. Действительно, музыка — это не только развлечение, но нечто большее. Музыка, не соответствующая менталитету этноса, может сыграть роль вируса и способствовать перерождению этноса, подобно раковой опухоли.

Человек ежедневно должен музицировать или петь песню. Песня есть потребность души выразиться. Удмурты относятся к музыкальным этносам. Как отмечают фольклористы, они поют не только в праздники, но особенно много музицируют в момент общения с гостями. «Самый незначительный шаг в своей жизни удмурт отмечает в своей песне. Вы можете ни разу не видеть его, его жилища и его края, но, услышав его песни, вы почувствуете, что вы так хорошо узнали его, узнали его повседневную жизнь, его жилище, поля, но главное — вы почувствуете, как он через свои песни подпустил вас к самым затаенным уголкам своего сердца. Он поет, он рассказывает бесконечные сказки и были. Слушая его, вам покажется, что перед вами раскрывается тысячелетний цветок, доселе лежавший свернутым в глубине его сердца. Читая его песни, вам покажется, что вы читаете красивый подробный дневник удмурта, дневник его чувств, настроений и переживаний. Ни один момент не остается в тени, не остается не отмеченным яркими и сочными мазками в этом удивительном дневнике ...

Как лес отвечает ровным рокотом на малейшее движение ветерка, как стройная осина судорожно трепещет при легком прикосновении, так и удмурт на все явления жизни отвечает быстро и чутко, отвечает не действием, а песней, ровной спокойной песней, напоминающей тихое журчание лесного ручейка или утренний звон прибрежного высокого камыша ...»³.

Большая часть фольклора творилась именно в процессе непосредственного общения: импровизи-

ровались частушки, песни, танцы, игры, загадки, поговорки, меткие выражения. Участники общения не только воспроизводили народную мудрость, но и самоутверждались как активные творцы. Очень существенным моментом является то, что в процессе импровизации люди творят самих себя, свои истинно человеческие качества.

Удмурт поет не только в праздники. «Песня помогает ему и в труде. Мужчина рубит в лесу дрова, песня облегчает ему работу. В поле на пашне песня смягчает палящие лучи июльского солнца. Старик на пасеке с песней-заклинанием созывает разлетевшийся рой своих пчел...

Удмурты живут в какой-то своеобразной песенной стихии. Девушка красит пух и успокаивает свое тоскующее сердце песней. Невеста вышивает прихотливыми узорами *айшон* или ковер, и песня помогает ей в кропотливой работе. Молодой парень выходит на заре на улицу и песней будит свою возлюбленную...

Уходит молодой парень в солдаты. Уходит не на один день, не на одну неделю, а на ряд бесконечно долгих лет тоски и ожидания. Служба в царской армии была тяжелой. И поет-составляет он бесконечные песни о том, как он свободно жил у себя в *корка*, как ночи напролет по деревне звенел его *арган*, как он жал золотистую рожь... и как он теперь будет скучать в царских казармах. И эти сочинения «песни Эльбая, Митрея, Микты» годами распеваются в деревне.

С первых же дней своего рождения ребенок падает в стихию песни. Укачивает мать ребенка... Как не рассказать ему о речке, одиноко журчащей в лесу, не рассказать о серебряной рыбке, спящей в воде, и о красном клевере у пыльной дороги, свернувшем свою головку для сна...

Человек в могиле. Мягким пухом легла на него земля. И на могиле над ним рыдает прощальная песня-причитание»⁴.

В дни моего детства (сталинские годы) колхозникам начисляли трудодни (рисовали палочки), но почти ничего не платили — за год давали на каждого человека примерно один мешок зерна. Но крестьяне с песней не расставались. Женщины и девушки моей деревни на работу ездили с песней: сядут на телегу рядком и поют. На работе во время отдыха тоже пели песни. После работы вечером молодежь устраивала игрища, до утренней зари веселилась. Благодаря песне не оскудела душа крестьянина в лихолетье, говорили: «*Кырзаса котжожме лэзи*» или «*Олле, кырзаломе — куректонмы мед таралоз*».

² Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 11. С. 205.

³ Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 135.

⁴ Там же. С. 131.

Моя мама тоже целый день пела песни, по настроению то грустные, то веселые. Однажды поет и плачет. Была весна 1945 года, близок был конец войны, из-под снега появлялась уже травка. Я спрашиваю: «Анай, почему плачешь?» Она ответила: «Как же не плакать, если на фронте погиб самый лучший человек на свете — твой Микаль чужмурт» — ее старший брат Михаил. Чрезмерное напряжение (моральное и физическое) она снимала с помощью песни.

Какова ситуация сегодня? На сегодняшний день в Удмуртской Республике функционируют более полсотни так называемых самодеятельных композиторов и бардов. Как правило, они — выходцы из южных районов республики (где сохранилась традиционная культура) и не имеют специального образования. А уроженцы городов имеют доступ к получению музыкального образования в школах искусств, музыкальном училище, в вузах (УдГУ и ГГПИ), но среди горожан, выпускников этих музыкальных учебных заведений, во много раз меньше занимающихся композицией. Почему? Ответ очевидный: традиционная культура способствует поддержанию творческих способностей человека, потому что она формирует восторженно-поэтическое восприятие мира, а городская культура многое заимствовала от западной цивилизации, основанной на рассудочности.

Кузубай Герд — истинный представитель своего народа, носитель удмуртской этнокультуры. У него у самого тоже такая же чуткая, тонкая натура, ранимая душа, такое же восторженно-поэтическое восприятие мира. Поэтому он проникся уважением и любовью к соплеменникам, поэтому находит верные слова, метафоры и создает зримые образы, когда характеризует их.

«Гусли — друзья песни удмурта. Без них он не живет. Мне приходилось встречать по 2-3 гуслей в каждом доме у удмуртов Ципьинского и Карлыганского края Вятской губернии Марийской области. По вечерам составлялся из них целый оркестр.

*Один из нас — гусли, туганэ,
Другой — скрипка:
Если рядом положим, — будут звенеть.
И ты несчастный, туганэ,
И я несчастный:
Если вместе начнем петь. —
Народ заплачет.*

Сравнивать себя с гуслиями и тоскующей скрипкой, разве это не есть проявление высшей задушевности и чуткости? Сравнивать свое напряженное состояние с

натянутой звонкой струной — разве это не есть проявление богатой творческой личности?»⁵.

Читая эти строки, полные страсти необходимо задуматься: соблюдается ли преемственность поколений? Не забылись ли задушевные мелодичные народные и популярные песни? Поют ли современные мамыши и бабушки колыбельные песни? Как часто современный человек поет (или уже деградировал и превратился в пассивного зрителя и потребителя)? Ведь человек от природы имеет потребность выражать душу через песню, даже молитву удмурт не читает, не говорит, а поет.

В Китае музыка является государственным делом, к музыке и музицированию относятся очень серьезно. Китайская поговорка гласит: «Разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки. Не имеющий чистой и светлой музыки народ обречен на вырождение». К сожалению, этого не понимают чиновники России от культуры. Музыковеды тоже не придают значения тому факту, что дети вырастают в мире инородной музыки, в мире африканского ритма. Они не учитывают, что африканские «там-тамы» использовались аборигенами перед охотой или перед боем для обретения боевого духа, чтобы стать агрессивными. Те, кому доверено музыкальное воспитание подрастающего поколения, не выполняют свои функции: работают вразрез с удмуртским менталитетом, о котором говорил Кузубай Герд.

Ученые установили, что через смену музыкального ритма происходит перерождение этноса, подобно перерождению здоровой ткани тела в злокачественное новообразование. И уже невооруженным глазом видно, что через распространение бездуховной масскультуры, проникновение инородной эстрадной музыки происходит перерождение удмуртского народа. Бескультурие разрастается подобно раковой опухоли.

Этнос есть живой социальный организм, и когда он отмирает, то начинает разлагаться и распространяет ядовитые выделения. Поскольку мир взаимосвязан, это разложение почувствуют (и уже чувствуют) на себе и другие этносы через непосредственные контакты с маргиналами (или опосредованно).

Загадки

Кузубай Герд пишет, что удмурты с праздника Покрова до начала января устраивают *мадиськон жытѣс* (*мачкон жытѣс*) — «творческие вечера устной поэзии: рассказываются легенды, предания

⁵ Там же. С. 136.

сказки, эпические сказания о местных богатырях и отводится большое место загадкам»⁶. Самое большое место на них занимают загадки. Загадка очень сильно развивает наблюдательность и образное, поэтическое мышление.

«Интересен сам процесс творчества на «вечерах загадок». Большею частью здесь загадываются загадки, переданные от отцов, дедов и прадедов и поэтому известные старшему поколению. Молодежь слушает эти загадки, перенимает, запоминает их, принимает деятельное участие в их отгадывании. Многие здесь же на «вечере» сами творят, создают загадку. Если она оказалась удачной, моментально ее запоминают и, переходя на подобный же вечер в другой дом, общаются новому составу слушателей»⁷.

Фольклор — это кладезь народной мудрости. Он характеризуется простотой, но эта простота гениальная, народное творчество облагораживает душу слушателя. Фольклор из-за своей простоты непосвященным кажется примитивным творчеством. Необходимо суметь подняться до духовной высоты и понимания гениальности фольклора. Не зря говорят: «Для того, чтобы оценить чужой талант, самому надо иметь талант».

В фольклоре неисчерпаемы и поэзия, и философия. Но как передать словами, тем более на чужом языке его достоинства? Перевод фольклора — благодарный труд. С фольклором следует обращаться крайне деликатно: его поэзию чрезвычайно трудно объяснить с помощью прозы и перевода. Тем более, что в каждом языке имеются непередаваемые обороты и выражения.

Поэзию фольклора можно сравнить с красотой игры воды и света на перекатах рек, на мелководье: на дне реки видны сверкающие бриллианты, драгоценные камни... Но стоит протянуть руку, вмешаться в естество природы, скажем, достать камушки из воды — они тут же тускнеют и превращаются в обыкновенные гальки, и наступает глубокое разочарование.

«В силу особенностей удмуртского языка, техника построения загадок несколько иная, чем у русских. Удмуртские загадки, прежде всего, представляют собой короткие речения; кроме того, они строятся так, что требуют добавления к каждой загадке вопроса: «А что это будет?» Поэтому в переводе на русский язык они теряют свою целеустремленность, заостренность и часто кажутся простыми, ни о чем особенном не говорящими предложениями, ничего загадочного за собою не скрывающими.

В загадках, как нигде больше, сквозит мифология удмуртов. Как в древности, а порою и сейчас, удмурт представлял и представляет явления природы — об этом образно и картинно говорит нам загадка. Особенно это относится к загадкам о небесных светилах и атмосферных явлениях.

Гром как бы получается от того, что «небесная бабушка» мелет крупу, и от жернова рассыпаются искры, радуга — не что иное, как гигантская золотая дуга гигантских коней; порою радуга представляется огромным хвостом двух быков, пьющих воду по обоим концам земли. Солнце — это добрейшее существо, которое с утра обходит мир, опираясь на свой длинный посох (луч). Здесь необходимо заметить, что луч солнца у удмуртов называется или ногой, или рукой солнца (*шунды кук, шунды ки*). Отсюда лучи солнца даются в загадке, как рука солнца «Рука золотая, браслет деревянный» (лучи солнца, проходящие сквозь окно; косяки как бы браслет, обрамляющий просунутую солнцем «руку»); или другая загадка: «Посреди избы корыто с маслом» (солнце на полу). Лучи месяца сравниваются с серебряными лыжами, на которых всю ночь катается месяц. Образы удмуртских загадок порою являются аналогичными образам общеизвестной финской «Калевалы». <...> Метрика, рифмовка, звукозапись в удмуртских загадках порою бывает доведена до совершенства»⁸.

Удмурт-анимист полагает, что гармония окружающего мира может нарушиться не только вследствие неразумных действий, но и по причине неосторожного пользования словом, злословия или заклинания, проклятия, колдовства. Считалось, что загадки обладают особым действием. Как пишет К. Герд, по повериям удмуртов, загадки имеют особенное свойство влиять на окружающую среду и поэтому относятся к особому виду творчества человеческой фантазии. «По-видимому, период загадывания загадок у удмуртов связан с солнцем и движением соков в природе. Загадки начинают загадывать тогда, когда засыпает природа, а вместе с ней засыпают или, вернее, затихают и силы природы»⁹.

С 22 декабря и до 7 января в природе наступает *вожо дыр*, господствуют таинственные силы. В этот переломный период года загадываются «*вожо мадь*» (страшные загадки).

В начале января, в момент перелома зимы, начинается пробуждение жизни в животном, а потом ранней весной и растительном мире: появляются телята, ягнята и т.д. С этого момента и время загадок прекращается.

⁶ Там же. С. 166.

⁷ Там же. С. 168.

⁸ Там же. С. 169-170.

⁹ Там же. С. 166.

Герд восторгается высоким уровнем духовного мира удмуртов. Он с гордостью пишет: «Громадное количество сказок, легенд, красивых преданий, десятки тысяч песен, оригинальных загадок — разве все это не говорит о богатстве фантазии удмурта, о его поэтической душе?!»¹⁰.

Удмурт, как «дитя природы», сильно привязывается к родным местам. Где бы ни прожил всю сознательную жизнь, выходя на пенсию, все равно возвращается на свою малую родину. Земля, особенно родная, для него священна. Земля священна не только потому, что она кормит, она — сакральна: удмурта притягивают родная природа, близкие люди, «дым отечества» и прах предков.

При расставании с родными и близкими сильно страдает. Смягчить боль расставания помогают сложные обряды, в том числе такие, как проводы рекрута в армию, прощание невесты с подругами, с родителями и родным домом, похороны.

Отношение к смерти и усопшим предкам

Почти каждый день удмурт на край стола (там никто никогда не садится) кладет полотенце или салфетку и ставит для умерших предков тарелку с едой и ложку. Если кто-то во время обеда роняет ложку или кусок хлеба, говорит: «*Пересъёс кыскало, жок пуме сиён пуктоно*» («Видимо, предки голодны, мы забыли о них»), и немедленно на край стола кладет еду.

В представлении удмурта индивидуальная смерть — это переход в инобытие — и принимает её как к естественный процесс. Поэтому он покоряется законам природы, спокойно готовится к завершению своего жизненного цикла, оставляет распоряжение во что нарядить, где похоронить, завещает, как распределить личные вещи и нажитое имущество.

Удмурт оптимист, с приближением смерти утешает себя появлением возможности встретиться с умершими родными, близкими и друзьями, по которым соскучился. Рассматривая эсхатологические представления удмуртов, можно обнаружить, что у них нет понятия об апокалипсисе, о конце света (в их миропонимании отсутствует антипод Бога — дьявол, которого надо уничтожить). В миропонимании удмуртов обнаруживается много общего с индийским мировоззрением.

Похоронный ритуал очень сложный, у каждого участника похорон свои функции. Слезы плачущих людей не должны падать на покойника, иначе он на том свете будет страдать, капли, попавшие на него,

будут жечь его тело. Прощаясь с покойником, проходят вокруг гроба обязательно против часовой стрелки. Из избы выносят ногами вперед, предварительно развернув гроб тоже против часовой стрелки.

Усопшего удмурты поминают многократно, обязательно с приглашением родственников и друзей: *куинь уй, сизьым уй, ньыльдон уй, ар* (третья ночь, седьмая ночь, сороковая ночь, годовщина). Кроме того, в течение многих лет ежедневно на край стола стелют полотенце и на него ставят тарелку с едой (такой же, какую сами едят), рядом кладут ложку, чтобы предки тоже ели, на том свете не голодали. Есть перечень поминальных блюд: перепеч (пересъмон), тоторо, каша, шаньги, табань, калиновый кисель, квас, куриные яйца, сваренные вкрутую. Из животных на поминках жертвуют курицу.

Тулыс кисьтон, Сизьыл кисьтон посвящены родовым покойникам. В этот день (вечером после работы) обходят всю родню (*боляк*). Идут от *выллапал* к *уллалал* (вниз по течению реки).

У удмуртов есть еще своеобразный обряд *йыр-пыд сётон*, посвященный покойнику. Это, можно сказать, третья свадьба после *нуны сюан* (родины) и *кышнояскон сюан* (женитьба).

Йыр-пыд сетон иначе называется «*мыддорин сюан*», буквально означает «свадьба-наоборот». Проводится через год или несколько лет спустя после смерти (в исключительных случаях — через десятки лет), когда боль утраты близкого человека утихнет, но хочется освежить память о нем.

Йыр-пыд сётон организуют члены семьи покойника, а иногда внуки или племянники, родственники. Проводится зимой, в некоторых местах обязательно 13 января.

Поскольку предки в потустороннем мире живут полноценной жизнью, они ни в чем не должны нуждаться. Чтобы у мужчины была лошадь, ему в жертву приносят коня, а женщине — корову, чтобы доила и питалась сыром, маслом. Жертвенное животное может быть и не свое, теперь чаще прикупают на рынке голову и ноги и варят в котле.

Обряд сложный: в нем предусмотрено общение с духом предка. Как и подобает на свадьбе, все веселятся. К покойному предку обращаются, как к живому, спрашивают: «Как живется на том свете? С кем ты общаешься там?». Разговаривают с ним, приглашают к столу откусать, приглашают вместе песни петь, веселиться, звучат шутки, прибаутки, играет гармонь. Посреди избы стоит ванна. Делают куклы. Водят хоровод. Но никто не пляшет.

Поминальный обряд *куяськон, келиськон* осуществляется три раза: в избе около печки между

¹⁰ Там же. С. 96.

матицей и входной дверью, во дворе или в саду, у ритуального дерева. На поминках многое делается не так как на молении: культовый жрец при движении поворачивается только против часовой стрелки, когда наливает квас из ковша, ладонь выворачивает в сторону большого пальца, жидкость выливается с наружной стороны ковша.

Поскольку *мыддорин сюан* есть «свадьба наоборот», мужчины для свершения обряда облачаются в женское платье, а женщины — в мужское.

В каждой деревне есть ритуальное дерево для развешивания костей жертвенного животного. Едут совершать ритуал на запряженных лошадях с колокольчиками, наряженных в попоны и платки. Поют свадебные песни: для женщины — *сюан гур*, для мужчины — *борысь гур*.

На ритуальном месте разводится костер, доедается поминальная еда (чтобы предок досыта поел), поются обрядовые и любимые песни предка.

Удмуртский театр

Каждый день удмурта заполнен церемониалами. Перед тем как повалить дерево приносит извинение перед ним, произносит молитву за упокой его души и на пенек кладет *мыж* — жертвоприношение в виде кусочков еды.

Перед тем как заколоть скотину на мясо, удмурт разговаривает с душой животного: «Извини, что поделаешь, я вынужден подчиниться обычаю, заведенному предками».

До сих пор в народе бытует суеверие, что нельзя здороваться через порог. Это табу своим происхождением обязано тоже анимистам. По их поверью, каждое дерево имеет душу. Когда лес рубят и из бревен возводят дом, души деревьев исчезают, их заменяет один дух, называемый — «Домовым». Его начало располагается у порога дома, поэтому неприлично через него протягивать руки — домовый может осердиться и покинуть этот дом.

Домовой и святые духи способствуют благодати человека. Когда удмурт переселяется в новый дом, приглашает домового с собой: «Пойдем, *Корка Кузё*, с нами на новое место жительства». С собой приглашает он и семейного *Вося*: берет горсть золы из очага семейного храма *куалы*, вслух зовет *Вося* с собой и переносит золу в новую *куалу*.

Зайдя в хлев, разговаривает с его духом, интересуется, как ему удалось уберечь скотину от напасти. Злых духов не уничтожает, но чтобы они не мешали спокойно жить, он их прогоняет. Имеется специальный праздник-обряд, во время которого мужчины, вооружившись

трещотками, кольями, факелами ходят из дома в дом и весело, с шумом «изгоняют» нечистую силу из дворов и домов. К. Герд упоминает этот праздник в своей статье «Удмуртский театр», кроме того, этому обряду он посвятил стихотворение «*Шайтан уллян*».

«Профессия» шайтана — делать пакости, нарушать покой людей, но древние удмурты говорили, что шайтана бояться не надо, так как он сам боится людей. «От людей надо держаться подальше — от них всего можно ожидать, — остерегают шайтаны друг дружку. — Их не поймешь: то возводят огромные скирды до самого неба, то снова их разрушают — никакой логики». Эти примеры свидетельствуют о богатстве внутреннего мира удмурта и сложных связях его с внешним миром.

Систему табу тоже можно отнести к разряду каждодневных спектаклей. Почти каждый шаг удмурта корректируется табу: «в избе свистеть нельзя, иначе *Корка кузе* обидится и уйдет, вместе с ним исчезнут лад и благополучие семьи»; «нельзя переступить через лежащего человека»; «нельзя показывать пальцем в сторону луны» и т.д. Система табу способствует поддержанию уровня нравственности, формированию разумных привычек и ОБЖ. Она обязательно нужна для детского возраста с низким уровнем сознания. Если ребенку начнешь объяснять, что нельзя пуговицу пришивать на себе, иначе уколешь тело иголкой, он не поймет. А если скажешь, что согласно поверью, так можешь пришить счастье к одежде и лишиться счастья, он послушается.

В жилище удмурта несколько десятков табу и поверий, связанных со столом, матицей, печкой (обладающих магическими свойствами). Стол — священный: по нему нельзя стучать кулаком, на него нельзя вставать ногами, посторонний не имеет права ходить вокруг него. Если посторонний обошел стол, на него косятся как на недоброжелателя, колдуна, задумавшего плохое против семьи. Передний угол *Торшор* предназначен для особо почитаемых гостей. Без специального приглашения туда никто не садится.

При возвращении с кладбища после похорон обязательно надо прикоснуться к печке, чтобы обозначить переход через демаркационную линию потустороннего мира.

Матица очень почитаема. Ритуалы и обряды с ней начинаются уже при возведении дома. Ее всячески разукрашивают. Она как бы делит избу пополам: в той половине, где находится стол, проводятся моление и празднование, а около печки проводятся поминки. Посторонний без приглашения не проходит за матицу, не садится в «красный угол» (*торшор*). Того, кто не соблюдает эти неписанные законы, называют бесцеремонным.

Надолго прощаясь с родным домом, член семьи прикасается к матице и просит благости, помощи, чтобы благополучно возвратиться домой. Рекрут при прощании прибавляет ленту и снимает ее, вернувшись из армии. Во время новоселья родственники и друзья прибавляют к матице монеты, чтобы семья жила в новой избе в достатке.

Перед тем как отправиться в дорогу, удмурт присядет, сотворит короткую молитву, прикоснется к матице, как бы прося содействия в удачной поездке и свершении намеченного дела. Утром во дворе, обратившись лицом на Восток, творит короткую молитву.

Ряженье, соблюдение возрастной иерархии, многочисленные посещения кладбища с соблюдением определенных ритуалов тоже являются своеобразными представлениями. Даже зайдя к соседу, он соблюдает определенный ритуал. Если посетитель не соблюдает церемонии: начинает разговор о деле без «вступления» или без приглашения проходит за матицу.

Удмурт по характеру сдержанный, величавый (*йоно*), всегда и везде ведет себя прилично, приучен соблюдать писанные и неписанные законы. Но несколько раз в год может позволить себе «вольности», иррациональное поведение: а) во время обряда *сюан* (*нуны сюан*, *кышнояськон*, *йыр-пыд сётон*); б) во время обряда *портмаськон* (маскарад, карнавал, колядование); в) во время обряда «*шайтан уллян*», «*таракан келян*»; г) в пасху; д) в масленицу и т.д.

Иррациональность поведения заключается в переодевании в одежду противоположного пола, в вывороченную наизнанку шубу, в маскарадный костюм, изображая животное, фантастический персонаж, и артистическом поведении, розыгрышах, распевании неприличных частушек.

Во время обряда *нуны сюан* женщины (и даже бабуся) поют импровизированные частушки, пляшут, временами задирая подол платья. Но иррациональность поведения никак не доходит до вульгарности, все совершается в рамках правил маскарада.

Свадебный обряд очень сложный. Чтобы он не нарушался ни в чем, чтобы все шло своим чередом, назначается *Тор* (тамада) из самых авторитетных людей, носителей удмуртской культуры. Он обладает абсолютными полномочиями. Без воли *Тора*, не делается ни одного шага. Он сидит только на подушке, пешком не ходит даже по избе: возят на санках или носят на руках.

На свадьбе заведено сочинять частушки с высмеиванием жениха и невесты: невесту — в первый день, когда гости со стороны жениха угощаются у родственников невесты и поют *сюан гур*; жениха — во второй день, когда гости со стороны невесты

угощаются у родственников жениха и исполняют обрядовые песни *борысь гур*. Самые избитые сравнения: невесту — с лохматой метлой, прислоненной к печке, жениха — с не облизанным теленком. Задача гостей проверить молодоженов на выдержку: если обидятся, все довольные хохочут, что смогли «достать».

Не бывает свадеб без шуток, веселья, розыгрышей. Вместо невесты могут подsunуть старушку в свадебном наряде с закрытым лицом. Даже свадебный *Тор* (тамада) в шутку вместо обрядовой песни может *гур сётныны* (запеть песню) вовсе «не из той оперы». На второй день, когда проверяют способности невесты в качествестряпухи, гости угощаются *табанями*, испеченные невестой, и одновременно поют, расхваливая как «вкусно готовит молодушка, язык проглотить, пальчики оближешь», «какую прекрасную сестру мы вам отдаем в невестки», родственники жениха в *табани* подсыпают крошки угля, табака, соли, чтобы не очень хвастались своей сестрой. Если никто из гостей подвоха не заметит, родственники поют: «вы способны есть и табак, и пересоленный *табань* и без конца все хвалить — ваш вкус испорченный, ха-ха-ха. Можно ли в таком случае верить вашим словам о невесте?».

На свадьбе обязательно несколько человек гуляют в каком-то образе: например, «доктор Айболит» ведет прием пациентов и выписывает смешные рецепты; «цыганка» гадает и несет смешную околесицу, небылицу; «ведьма» ко всем пристаёт, обнимается, целуется, а если кто-то сердится, пугает порчей. Задача участников свадебного обряда развеселить друг друга, увести гостей в фантастический мир, отвлечь их от будничных забот, от мелких и крупных переживаний.

Удмурт дает волю своей фантазии особенно в период *портмаськон*: бесконечно импровизирует, создает образы, становится артистом. Бывали случаи создания образа цыган или родственников, приехавших издалека. Люди не узнавали своих преобразенных односельчан.

Портмаськон ранее организовывался в каждый квартал (*тулыс портмаськон*, *гужем портмаськон*, *сизьыл портмаськон*, *тол портмаськон*), теперь — только зимой — 7-19 января.

Удмурт любит гостей. Когда заметит, что кошка «умывается» — «зазывает гостя», приговаривает: «Через ухо, через ухо». Если та лапой заходит далеко за щеку, за уши — это верный признак, что придет гость. Тогда радостно сообщает, что скоро придет (приедет) дальний гость. Заранее готовится к встрече, предвкушает удовольствие общения.

Удмурты за тысячелетия выработали самые разнообразные формы непосредственного межличностного общения. Среди них такие, как праздник коллектив-

ного труда, помочи, посиделки, игрища, ярмарки, базары, сельские сходы, календарные праздники, национальные свадьбы, прием гостей, проводы в армию и т.п. Каждая форма общения имеет свои обряды, ритуалы, свой репертуар песен и танцев и «работает» на формирование целостного человека.

На базары и ярмарки ходили не только для осуществления сделок, но и с целью себя показать, на людей посмотреть. Здесь формировалось общественное мнение, парубки и их родители высматривали невест. Кроме того, молодежь разных деревень меж собой общалась, по очереди посещая игрища, девушки заводили подружек в другой деревне и приглашали их в гости. Разумеется, их круг пополнялся парнями. Здесь они организовывали игры, песни, танцы.

Был еще обычай на праздники приглашать девушку, обычно родственницу, из соседней деревни — «пукись ныл». В ее обязанности входило выполнять функции Золушки. Хозяйка гуляют, а она ухаживает за скотиной, убирается в избе, готовит обед. Ее ненавязчиво представляют гостям, соседям. Те про себя оценивают ее качества как невесты, как хозяйки будущей семьи и формируют общественное мнение. К ней присматриваются женихи и при случае даже заводят знакомство.

У молодежи было великое множество форм общения. Традиционные формы общения принципиально отличаются от урбанизированных и по своему содержанию: они направлены на превращение индивида из объекта в субъект. В них каждый становится не только зрителем, но и самостоятельным участником. Даже на современных фольклорных праздниках люди активно отдыхают, душевно раскрываются, духовно обогащаются. Здесь они чувствуют свою причастность к общему делу, к богатому наследию предков, в них как бы отзывается зов предков.

У удмуртов был замечательный обряд гостевания. На нем остановимся несколько подробнее. Гости официально приглашаются из другой деревни, из другого района или города за год, за полтора, дата предварительно согласовывается с родственниками, чтобы не было накладок, чтобы они на это время не приглашали гостей.

Прием гостей для удмурта является ответственным мероприятием и серьезным испытанием. Заранее готовятся подарки, гостинцы, продумывается сценарий (традиционный обряд, как правило, дополняется импровизированным действием).

Ожидают гостей с трепетом, в обряде гостевания таится сакральный смысл, так как гости и хозяйка открываются друг другу и происходит их единение

через соприкосновение как бы обнаженных душ. В этот период они в основном говорят высоким поэтическим слогом. Благодаря искреннему восхищению друг другом, благодаря комплиментам, эпитетам-гиперболам, содержащимся в обрядовых песнях, они взаимно обогащаются на многие годы духовной и душевной энергией. Хозяйка волнуются: смогут ли они оправдать ожидания гостей?

Понятно, что в гости приглашаются самые уважаемые родственники или симпатизируемые люди, с которыми желают сблизиться и теснее подружиться. Гости приезжают на три дня. За это время их ни на минуту не оставляют без внимания: по очереди угощают у родственников и соседей, днем и вечером веселятся, беседуют, обсуждают политическую ситуацию, философствуют, делятся горем и радостью, спят буквально по три-четыре часа: рано утром их обрядовыми песнями будят хозяйка и родственники. Гости ощущают такое сфокусированное внимание, что уезжают обновленными, очищенными от накипи повседневной жизни. За время гостевания у них заряжается внутренний «аккумулятор», обеспечивающий в дальнейшем бесперебойную работу духовного двигателя, помогающий почувствовать радость жизни, способствующий созиданию такого качества, как умение радоваться чужой радости. Благодаря культуре глубокого душевного общения, даже в тяжелые военные годы, даже в многострадальные сталинские времена, крестьяне не впадали в депрессию, не люмпенизировались, не опускались на дно жизни, а восходили к своей человеческой природе.

За три дня гостевания никто не напивается, никто не шумит, не повышает голоса; все знают: тех, кто не понимает меру, кто способен на деструктивное поведение, у кого нет понятия о гармонии отношений, сторонятся, стараются в свою компанию не принимать. (Примечательно: если случайно зайдет посторонний, его сажают за стол, угощают, если же затянет песню невпопад, никто его не перебьет, а даже за ним подпоют).

На проводы гостей приходит вся родня, провожают не у ворот, а на окраине деревни (ранее за деревенскими воротами), поют обрядовые песни и бесконечно импровизируют.

На протяжении долгого времени души гостей и хозяев греют приятные воспоминания. Раз за разом пересказывают впечатления о глубокомысленных суждениях, о притчах и историях, рассказанных умудренными жизненным опытом пожилыми людьми, об артистически импровизированных веселых сценках; восхищаются душевностью новых друзей, распевают песни, услышанные во время гостевания;

их души греет ощущение, что на свете есть единомышленники, есть истинные друзья, открытые душой и сердцем.

Через несколько лет осуществляется встречное приглашение. И вновь многие обряды повторяются, вновь души взаимно обогащаются. И не такими уж невыносимыми кажутся страдания, вызванные поступками детей, болезнями, тяжелым трудом. Исчезает страх перед завтрашним днем, перед сильными мира сего, и даже перед смертью. Благодаря обряду гостевания, у крестьянина крепнут социальные связи на душевном уровне, возникает уверенность в жизни, улетучивается такой непрременный и страшный спутник западника, как одиночество.

Календарный праздник — это тоже грандиозный театр, участником которого является каждый житель деревни. Их набирается более двух десятков. Они связаны с явлениями природы, положением Солнца или сезонными сельскохозяйственными работами¹¹.

По преданию удмуртов *Шунды* (Бог света) родился из сердца *Осто* (вечного духа). Благодаря *Шунды*, начинается весна, пробуждается природа. С этого дня начинается календарный год (Новый год). День рождения *Шунды* (Солнца) — самый главный удмуртский праздник — *Будзыннал*. (По словам Б. Мункачи, называется «*Акашка*»). К нему готовятся больше месяца: все вычищают, скоблят, стирают, моют. Накануне моются в бане, стряпают, красят яйца. Продолжительность праздника семь дней, каждый день расписан, в том числе: *Эру карон* (инициация), *Кулэм потон уй*, *Кураськон*, *Восьнерге ветлон*, *Будзын Иньмарлы восяськон*, *Му Кылчинлы восяськон*, *Будзын куалайн восяськон*, *Гуждор вось*, *Акашка ворттылон*, *Егит юмшан*, *Пересь сюан*. В последний день — субботу — уже не веселятся, поминуют усопших.

Первый день — воскресенье — называется *Будзыннал* (букв. Великий день), совпадает с православной пасхой (православие, как известно, присвоило многие народные праздники)¹². Перед *Будзыннал* мои родители тщательно следили за явлениями природы рассуждали, сопоставляли, прогнозировали погоду и виды на будущий урожай.

В этот день носители удмуртской этнокультуры встают на заре. Восторженно встречают восход Солнца. Через темное стекло наблюдают, как Солнце играет на восходе. Одеваются во все чистое, желательно новое.

Днем с пригорка или по желобу катают крашенные яйца, качаются на качелях, водят хороводы, играют в народные игры.

Вечером совершается обряд *восьнерге*: гостятся по очереди у всех близких родственников, обходят свой *боляк*. Притом начинают в доме, расположенном по течению реки ниже всех остальных, дальше переходят в следующий дом, находящийся выше по течению реки. Угощаются специально приготовленными яствами, поют обрядовую песню *восьнерге гур*. На гармошке не играют, потому что «около гармошки пляшут шайтаны». Надо полагать, что гармошка отвергается как инородный инструмент (раньше играли на *кресе*). Никто посторонний не вмешивается в обряд *восьнерге* — участвуют только близкие родственники.

Новый год отмечали весной не только удмурты¹³. «Среди национальных праздников самый большой годовой праздник — эр; знаменовал начало весны и календарного года, отмечался приготовлением особых кушаний и раздачей их в селении, раскачиванием девушек на качелях, установлением на сельской площади украшенного яблоками, орехами, крашеными яйцами дерева и играми вокруг него», — написано о рутульцах в Энциклопедии «Народы России»¹⁴.

Вот еще часть удмуртских праздников: *Йо келян*, *Додьы куштон*, *Пучи арня*, *Гершид*, *Гербер*, *Ю мурт кутон*, *Ю вось*, *Петроу*, *Виль*, *Пукроу*, *Сизьыл юмшан*, *Толсюан*, *Ымусьтон*, *Портмаськон* (в каждый квартал), *Шайтан уллян*, *Йо вылэ султон*, *Вой празник*.

Создано много праздников труда: *шорт миськон*, *зазег вандон*, *турнаны потон*, *геры поттон*, *веме*. Древний удмурт открыл общественную природу человека, обнаружил, что в коллективе человеческая энергия усиливается, что даже тяжелый труд приносит радость.

Все они по-своему интересны, но мое сердце греют воспоминания о *Будзыннале* (пасхе) и *Гербере* (*Гырон быдтон*, *Сабантуй*). *Гербер* отмечается в июне месяце после окончания весенней страды. На этом празднике сочетаются удовлетворенность завершением полевых работ, прекрасное время года, когда воздух дурманит запахом цветущих растений и выколосившейся ржи. В наших краях праздновали его три дня на священном месте «*Бадзын восяськон*» у подножия горы *Четкер*. Разнаряженная и возбужденная ощущением долгожданного праздника

¹¹ См.: Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986; Мизов Н. Праздник как общественное мнение. София, 1966.

¹² См.: Черкасов С.В. Праздник. Социально-культурные конфигурации // Человек. 2008. № 1. С. 100.

¹³ Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары, 2004. С. 128-131.

¹⁴ Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 309.

публика идет туда с едой, посудой, завернутыми в скатерть. В котлах варятся бульон с мясом и каша. На праздничные расходы средства культовые жрецы собирают по домам — или деньгами, или продуктами, или рукоделиями на призы. Проводятся народные игры, хороводы, соревнования. Обычно этот праздник согласовывается с соседними деревнями, чтобы не было накладки и можно было приходить в гости друг к другу. Этот праздник мы вспоминали целых полгода, сравнивали впечатления, полученные в соседних деревнях.

Во всех удмуртских праздниках есть свои символы, ритуалы, обрядовые песни, имеется место для импровизации, шуток, веселья. Удмурт, как представитель крестьянской цивилизации, не способен пассивно отдыхать: загорать на пляже, качаться на гамаке, сидеть в ресторане, слушая музыкантов или наблюдая танцовщиц кан-кана. Его отдых по форме обязательно активный и связан с творчеством. Погрузившись в атмосферу творческого самовыражения, он удовлетворяет свою потребность в психологической релаксации, снимает физическую и психическую усталость, увеличивает энергию жизни.

Театр как представление создан на Западе, чтобы развлекать патрициев, богачей, господ из дворян, страдающих от праздности. Крестьянин, в отличие от них и многих горожан, является самодеятельным, не страдает от праздности, не нуждается в развлечениях. Но цивилизация усиленно «работает» над превращением удмуртского крестьянина из субъекта творчества, из активного участника спектаклей в объект, в пассивного зрителя, потребителя услуг профессиональных артистов, всевозможных шоу, концертов, театральных постановок. Удмурт не нуждается в театре драмы и трагедии. Современные удмуртские зрители говорят: «В деревенской жизни у нас ежедневно разыгрываются трагедии и драмы. Мы сыты ими, устали от них. Нам хочется душевно отдохнуть от нарастающего негатива в отношениях людей, от деградации населения. Мы хотим приобщиться к миру, наполненному возвышенным, духовным содержанием, хотим любоваться красивыми людьми, красивой декорацией, поэзией, сказкой, романтикой».

Когда Удмуртский национальный театр приезжает на гастроли в деревню, селяне расстраиваются, что приехал не «Айкай», не фольклорный коллектив или хотя бы концертная бригада филармонии, и просят театральных артистов до начала спектакля спеть хотя бы несколько удмуртских народных или популярных песен. И артисты подчиняются, выполняют просьбу: пока на сцене устанавливается декорация, перед занавесом поют дуэтом, трио, соло. Таким образом

«умасливают» зрителя, иначе он сидит на спектакле удрученный.

Организаторы Удмуртского государственного театра в 1931 г. учли менталитет удмуртов и назвали его Удмуртский государственный музыкально-драматический театр. При нем были оркестр и хор. Содержание спектаклей соответствовало названию: все постановки были музыкальными, преобладали комедии и водевили. Теперь ситуация изменилась, возобладал волонтаризм, и на удмуртскую сцену «тащат» инородные атрибуты (атрибуты западного театра): трагедию, драму, убийство, коварство, адюльтер, порнографию, любовный треугольник.

«Удмуртская интеллигенция вообще не принимала участия в коллективных крестьянских праздниках. Она держалась далеко от них и посматривала на них с некоторым предубеждением. Но в то же время, не имея достойных образцов, кроме русского театра, она не способна была создать самостоятельное театральное искусство»¹⁵.

К сожалению, интеллигенция, порожденная цивилизацией западного типа (просвещением, наукой и образованием), не работает на свою этнокультуру: спектакли, создаваемые носителями традиционной культуры удмуртов постепенно вытесняются из жизни. Позорно выглядят свадьбы, организуемые платной бригадой. Профессиональный тамада, музыкант, танцоры развлекают гостей. Гости на ней, в отличие от традиционной удмуртской свадьбы, становятся объектами, зрителями и потребителями представления. Никто из участников свадьбы (ни со стороны жениха, ни со стороны невесты) не ощущает себя хозяином действия, там не остается места для инициативы, творчества и импровизации.

Из похорон тоже самодеятельный, импровизированный театр постепенно вытесняется: если раньше гроб с покойником несли, распевая жалобные народные песни, то теперь траурную музыку исполняет платный оркестр, причитание и плакальщицу у гроба заменяет отпевание платным священником, могилу копают наемные работники, и участники похорон фактически являются уже не субъектами действия, а пассивными зрителями, слабо проявляющими человеческие эмоции.

Такими упрощенными, уплощенными, заорганизованными бывают мероприятия деградировавшего общества. Подобным образом по сценарию проходили скучные конференции КПСС, выборы народных депутатов в Советы, правительственные концерты.

¹⁵ Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 105.

Таковыми были выступления цыган перед скусающими праздными дворянами.

Цивилизация, чтобы участники того или иного обряда не сильно ощущали себя дискомфортно, духовную пустоту обрядов и праздников заполняет алкоголем. Притом довольно успешно. Теперь по сценарию мало отличаются друг от друга день рождения, юбилей, свадьба, *нуны сюан* и годовины.

Семья

Одна из самых сложных проблем в мире — это проблема построения семейных отношений. Каждый этнос эту проблему решает по-своему.

Нельзя говорить о культуре женщины в удмуртской семье, поскольку главой ее является муж, но необходимо отметить определенную автономность жены. Так, свадебный обряд построен вокруг персоны невесты, жених как бы вовсе не при чем. Обряд сватовства обязателен, если даже молодые уже подали заявление в ЗАГС. До сих пор имеются случаи, когда родители женят по стовору, считается, что любовь — дело наживное. До настоящего времени имеет место умыкание невест, особенно в тех случаях, когда родители невесты категорически не приемлют жениха или его родителей и возражают против брака, а невеста согласна выйти замуж.

Удмурт не третирует свою невесту за утрату девичьей чести, как это было заведено на Востоке или при Домострое. Но в целом половая распущенность осуждается. Отец и/или мать предупреждают дочь, выражают надежду, что им не придется краснеть за ее недостойное поведение. Социальный контроль в деревне и по сию пору имеет место, шило в мешке не утаишь.

Если невеста выходит замуж с прижитым в девичестве ребенком (*сяська польсь шедьтэм нылли*), за нее не дается *йырдон* (калым, выкуп). Чаще всего ее выдают за пожилого мужчину, вдовца, бедняка или представителя плохого рода. А за целомудренную невесту ранее давалась приличная сумма.

У жены удмурта хозяйство свое. В ее ведении находятся дети, внутреннее убранство избы, скотина, огород, продукты, шерсть, пряжа, одежда. Мужчина не вмешивается в хозяйство жены, ему хватает своих забот: строительство, ремонт построек, стройматериалы, техника, инструменты. Деньгами, как правило, распоряжается женщина, она же тратит их. Муж иногда просит денег, жена тут же интересуется, на какие, мол, цели, может и возразить, не дать. Жена в полном смысле слова является экономистом семьи. Считается, что хорошая семья — это заслуга жены. Женщина,

создавшая надежное гнездышко, в деревне пользуется почетом и уважением. Поговорка гласит: «*Удалтэм кышно — жыны юрт*» (хорошая жена — половина состояния).

Удмуртская женщина полностью реализует себя в семье: она и дизайнер, и цветовод, и овощевод, и заготовитель продуктов, и рукодельница, и гостеприимная хозяйка, и добрая любвеобильная мать — своими руками создает уют и тихую гавань для мужа и детей. Про нее можно сказать — истинная «хранительница очага».

Признательный муж ранее очень много денег тратил на покупку привозного бархата, кашемировых платков и шалей, украшений с драгоценными камнями. По словам профессора С.Н. Виноградова, в полном праздничном наряде удмуртской женщины набирается полпуда серебряных украшений, выполняющих, кроме того, и функцию оберега: считается, что звон серебра отпугивает злых духов.

Считается, что без участия определенных сил не обходится ни один акт, в том числе зачатие ребенка. Бездетная семья и в настоящее время оправдывается (мол, не мы виноваты): «*Инмар уг сёты но, соин пинальёсмь овол*». В представлении удмурта за рождение человека отвечает дух плодородия *Мукулчин* (*Кылчин, Кылдытись, Кылдысин*). *Кылчин* (ангел-хранитель) всю жизнь сопровождает его и охраняет. Ему он обязан спасением от смерти, от несчастного случая, калечения: «*Кылчинэ кужмо но утиз*».

В удмуртских деревнях не было нищих, детдомов и интернатов для престарелых. Дети никогда не были обузой, аборт не делали, с удовольствием усыновляли, удочеряли сирот или детей русских нищенков¹⁶.

Удмурты эмпирическим путем поняли, что период беременности женщины — очень важный период. Муж и другие члены семьи оберегают ее от тяжелого труда, дурного глаза, проклятия. В пренатальный период женщина очень осторожна при общении с чужими людьми, соблюдает каждый свой шаг: и питание, и поведение, и приметы.

Если муж беременной физически обидит другого человека, лошадь или другое животное, то побои отразятся на плоде — ребенок родится с родимым пятном или уродливым. Это предостережение касается и поведения самой беременной. *Кышномурт секытэн дыръяз пуньез чыжиз ке, нуныезлэн но мугор вылаз лыз бервылыз луоз*.

¹⁶ Кузёбай Герд. О ней я песнь пою... Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 194.

В пренатальный период во многом определяется будущее ребенка. *Секытэн дыръяз кышномурт туж тэргаськыса, нокинэн тэрытэк улиз ке, нуныез солэн туж бордись но висись луоз.*

Ребенок еще до своего рождения слышит мелодичные душевные песни, распеваемые матерью. А колыбельные песни в основном слышит в исполнении бабушки, так как матери недосуг (см. колыбельную песню: «*Чагыр, чагыр дыдыке*»).

В удмуртской семье нет проблемы любовного треугольника: жена вне зависимости от того, который раз выходит замуж, вне зависимости от того, любила ли кого-то до замужества, мужу не изменяет. Таково ее воспитание, таково ее убеждение.

Проблема любовного треугольника, выплеснувшаяся на страницы романов и на подмостки театров, есть западное заимствование. Единичные случаи переманивания чужой жены происходят под влиянием западной традиции. В удмуртской деревне также не было публичных домов и проституции.

Благодаря сохранению традиционной культуры, удмурт свою мать, сестру, жену брата, жену друга, жену соседа воспринимает как существо среднего рода. Здесь не «работает» теория либидо З. Фрейда. Великий Фрейд, видимо, не знал, что у духовного человека сознание определяет бытие, и что он физически заболевает (и даже умирает) в случае нарушения табу, клятвы, собственных жизненных принципов, писаных и неписаных законов социума.

Система табу способствует поддержанию сложных социальных связей невестки в новой семье. Существует табу называть свекра по имени, запрещено показываться с голыми ногами (даже по щиколотку), обнаженной головой. Свекор очень обижается при нарушении невесткой этих запретов, воспринимая отступление от табу как неуважение к своему статусу главы семьи, и выговаривает ей за нерадивость. Эта система табу основана на учете природы человека. С одной стороны, подобное дистанцирование предотвращает возможность возникновения интимных отношений, с другой стороны, — направлена на почитание старших, сохранение преемственности поколений.

Представитель общины ко всем старшим обращается без имени или с добавлением к имени слов (*анай, агай, кенак, кырси, чужмурт, чужанай, чужодӱг, кирос анай, уром, паньтэм, базя...*), обозначающих определенные родственные или социальные отношения, несущих смысловую нагрузку. Этим выражается и уважение, и подчеркивание, напоминание незримых социальных связей, которые в чем-то обязывают его, но, в то же время, дают ощущение комфорта, защищенности.

Воспитанный удмурт здороваается не только с представителями своей деревни, но и со всеми встречаемыми. К незнакомым людям (чужой деревни) он обращается со словами: «*кудо*», «*туклячи*», «*кенак*», «*дыды*» (к девочке), «*эке*» (к мальчику).

Верования удмуртов

Многие современные удмурты являются двоеверцами: соблюдают и христианские, и древние мифологические обряды. Некоторые мифологическую веру истинного удмурта называют «языческой религией», поскольку она не оформлена письменно (как и языческая религия древних греков). Но приклеивание ярлыка «язычник» носителю традиционной культуры несправедливо. Во-первых, слово «язычник» — «захватано» — стало ругательским. Во-вторых, оно с языческой религией древних греков ничего общего не имеет. В-третьих, вера удмурта не является религией — она заключена не в страхе, а в обычаях. Если для религии характерна агрессивность, то вера удмурта лишена какой бы то ни было агрессивности. Удмурты никому не навязывают свою веру, а моленные обряды совершают в специальных местах (на природе, в священной роще).

Удмурты подобны «детям природы» и обожествляют Природу. У них нет образа дьявола (с которым надо воевать и уничтожить), ни персонифицированного Бога, страшящего судом, страшным наказанием и совершающего реальные злодеяния (и тем самым выполняющего функцию дьявола). Удмурты молятся духам, которыми наполнен мир: *Осто, Иньмар, Куазь, Мор Вось, Булда Вось, Будзын куала Вось, Луд Вось, Воршуд Вось, Кылчин*. Притом вечным духом является *Осто*. К нему удмурт обращается постоянно, в день по много раз, а не только во время моленного обряда.

Религиями не являются также учение Будды, Дзен-буддизм, Даосизм. Они представляют собой практическую философию (теорию и практику самосовершенствования человека). В них тоже нет места страху, агрессивности, нет и персонифицированного Бога.

Традиционная культура удмуртов синкретична, нераздельна. Они воспринимают мир целостно: не отделяют труд, моление, праздник. Моление связано с явлениями природы или сезонными полевыми работами: молятся перед пахотой, после завершения весенне-полевых работ, перед жатвой, после уборки урожая. Каждый обряд завершается праздничным весельем. Ранее моление могло длиться несколько дней.

На понимание удмуртского мира некоторый свет проливает изучение сути моления. Во время календарных праздников удмурты молятся в священной роще, у родника. При этом стоя лицом в сторону Солнца или Востока, но никогда не стоит лицом на Запад. Культурный жрец обращается с просьбой о помощи и к духу неба *Иньмару*, к духу Солнца, расположенным в небе, и к *Куазю* (духу погоды), к *Кылчину* (ангелу-хранителю), находящимся всегда рядом, и к духам предков, находящимся в потустороннем мире.

Восясь (культурный жрец) назначается или выбирается по жребью. Это рядовой житель деревни. Конечно, не каждый житель деревни может стать *восясем*. Требований к нему много: а) должен быть здоров физически, психически и духовно, в том числе зубы должны быть целы; б) должен обладать авторитетом, в роду не должно быть воров и колдунов; в) должен считаться с общественным мнением, должен знать и соблюдать удмуртские традиции, обычаи, обряды, ритуалы; г) не должен быть в родстве с представителями другой веры и людьми, чем-то запятнавшими свою честь.

Примечательно, что в процесс моления он вносит смысл не вымаливания, не выпрашивания божьей милости. Слово «моление» не передает сущности «*восяськон*». Удмурт говорит «*воськыл*», а не «*куриськон*». Слово «*куриськон*» является калькой русского слова «молитва», имеет позднее происхождение. *Восяськон* означает обожение. Совершая обряд *восяськон*, субъект приобщается к миру *Вося* и очищается, становится духовным. Коллективный обряд *восяськон* иначе еще называют «*Восьмес утиськом*» — бережем *Вося* (в душе, в сердце). Поскольку *Вось* — это Абсолют (всемогущий, абсолютно чистый, светлый), следовательно, *восяськон* есть процесс одухотворения.

«*Воськыл*» творит не только культурный жрец, но каждый глава семьи. Во время семейных праздников молится в *куале* или во дворе, в саду, огороде. В своих молитвах он излагает свои мечты, планы на будущее и надеется на их свершение, надеется на содействие и поддержку духов.

«*Воськыл*» творится каждый раз заново, соблюдаются лишь определенные каноны: обращение *Осто*, *выльсь Бадзын Иньмаре*, *Югыт Шундые*, *Ине-вуэ-Куазе*, *Воршудэ*, *Кылчинэ*, *Муми*, *Аи!* (в полном или разном сочетании). Канон также предполагает проявление культурным жрецом красноречия с использованием поэтических метафор, гиперболы, высокого слога. Молитва — это обязательно поэтическое произведение, произносимое в момент творения, без преувеличения можно сказать, что она является шедевром удмуртской поэтической мысли.

В *воськыле* выражена надежда на получение высоких урожаев, на благополучие родни и всего удмуртского народа. Субъект молитвы верит, что будут дуть южные ветры, будут лить теплые дожди, что его минуют стихийные бедствия, эпидемии, напасти, войны. Верит, что ему удастся найти верные слова и наладить хорошие отношения и в семье, и с односельчанами, и с чужими людьми, что он в жизни никогда не будет запинаться. Субъект *воськыла* торжественно, красиво, публично высказывает свою мечту, планы на будущее, программу действия и настраивается на их выполнение. Верит, что духи отнесутся к его планам благосклонно и будут содействовать претворению их в жизнь.

Отсутствие догмы в молитве приучает к диалектическому мышлению. Субъект молитвы духовно возвышается из-за трепетного отношения к празднику и к духам. Во время моления ничто не совершает, походя и суетно, поворачивается только по солнцу.

По данным французского историка Альфреда Рамбо, ранее моленные храмы пермяков на всю округу сверкали драгоценными камнями¹⁷. Но они подверглись разрушению завоевателями¹⁸. Современные удмуртские храмы имеют непритязательный вид, но несмотря на это, культурный жрец *восясь* заходит в *Будзын куала*, только помывшись в бане, перед молитвой обязательно моет руки у родника. Ко всему, что связано с молением, *Иньмаром*, *Восем*, он относится трепетно, соблюдает все каноны.

Большинство молений удмурт проводит на природе, храм ему служит в основном местом хранения моленных атрибутов.

Удмурт верит в силу духов. И не только удмурты, но русские и татары, живущие рядом с удмуртами, верят в силу удмуртского *Вося*, в период засухи просят удмуртов поскорее молиться. Священник Иоанн Васильев в 1906 г. писал: «Относительно дождя, действительно, мне доводилось слышать от некоторых русских баб, довольно развитых в нравственном отношении, даже между старинными просфорницами, такого рода фразы: «Хоть бы вотяки-то скорее молились, может быть, Бог послал бы дождя». Нужно заметить и то, что напольные молебны по христианскому обряду уже были совершены тогда, когда это говорилось. То, что после моления вотяков бывают дожди, это часто бывает правдоподобно, потому что жрецы зимою еще замечают за погодой так, что они приблизительно и

¹⁷ См.: Рамбо А. Живописная история древней и новой России / Пер. с фр. М.: Современник, 1994.

¹⁸ См.: Гришкина М.Г., Корепанов К.И. Даурьёс пыр: Вашкала-вашкала удмуртьёс сярсь очеркьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997 (на удм. яз).

зимой могут сказать про лето, какое оно будет. Они хорошо умеют сопоставлять зимние месяцы с летними, поэтому время сенокоса вояк определяет еще зимой, и большею частью удачно»¹⁹.

Подобные свидетельства можно привести из моего собственного опыта. В обряде вызывания дождя я участвовал в подростковом возрасте в своей деревне Кузьмгурт. Всем в деревне надоела засуха: в течение полутора месяцев не выпало ни дождинки, на полях земля растрескалась, на пастбище трава пожухла, на дорогах и на улице пыли накопилось по щиколотку. Позади стада или автомобиля пыль поднималась выше домов.

И тогда старушка, моя соседка *Эчан песьяй*, под- сказала нам подросткам: «Организуите обливание прохожих на улице». Мы и рады стараться: в середине дня с гиком, шумом бегали, обливали и малых, и взрослых. Всю воду вычерпали из колодца. Многие не убежали от обливания, радовались прохладному душу, одобряли инициативу. Когда из колодца вода кончилась, *Эчан песьяй* оделась в белую одежду, взяла котел, позвала двух сверстниц своих и организовала сбор продуктов для приготовления обрядовой каши. Стали ходить по дворам. В каждом доме давали что-нибудь: крупу, соль, масло... Кашу варили у родника. Там же провели *восяськон*: прочитали молитву, прося у *Куазя* дождя, освятили кашу, и все участники обряда (старухи и подростки) поели ее. А вечером собрались черные тучи, полил ливень, разразилась гроза: сверкает молния, гремит гром, казалось, небо раскалывается пополам, и вот-вот разрушится наш дом. Поднялся ураганный ветер, снесло многие крыши, с треском валило тополя и другие крупные деревья. Я с перепугу спрятался под одеяло.

Не знаю, чего было больше от урагана: пользы или вреда. Мать моя с упреком сказала: «Вы переборщили (*уқыр ашкыниды*), не в меру перестарались, вот *Куазь* и среагировал соответственно. Так нельзя баловаться, любое дело надо выполнять, соблюдая меру (*эсэн*)».

* * *

Человек и культура — неотделимы. Есть культура — есть человек, нет культуры — нет человека. Действительно, самоцель общественного прогресса — становление человека, очеловечивание его, а все остальные проблемы вторичные. Упрощение социальных связей и обеднение обрядности упрощают соци-

альную жизнь, голый рационализм ведет к бездуховности общества. Цивилизация вместе с урбанизацией и просвещением разрушает стройную мифологию, сочиняет эклектические социальные мифы, создает суррогат культуры, воспитывает маргиналов и ведет человечество к самоуничтожению. Необходимо учесть двойственность природы человека, согласно которой в нем уживаются рационализм (стремление к истине, правде) и иррационализм (романтика, идеализация окружающего мира и человека). Необходимо приложить усилия для сохранения культуры. С помощью тщательного анализа мифологии удмуртов обнаруживается высокий уровень проявления человеческих качеств.

«Человек — единственное существо, у которого есть мир. Для животных мира нет; для них существует только среда; реальна только сиюминутная ситуация. Человек общается с целостным миром благодаря культуре. Только опираясь на культуру, мы можем перевернуть самих себя. Современная массовая культура, напротив, выполняет тормозящую роль, загоняя человека в повторяющиеся клише социального опыта, отвлекая его от мира, заставляя его только реагировать на стимулы и ловить кайф»²⁰.

Культура основана на консерватизме. Ее врагом является чрезмерный динамизм общественной жизни, свойственные западной цивилизации. Ничего постоянного: ни в моде, ни в месте жительства, ни в привязанностях, ни в друзьях. Разрушение социальных связей, отчуждение от природы, от людей и от самого себя.

Одним из самых главных достоинств всякого народа является его творчество, произведения его ума и фантазии: песни, сказки, загадки, легенды, предания, пословицы и т.д.; по этим народным произведениям можно судить и о самом народе, о его культуре.

Герд доказывает, что удмуртский народ ни в чем не уступает другим этносам, он также велик, как все другие.

«Истребление евразийских традиций теперь продолжалось под лозунгом «русификации». С местными традициями и оригинальными мировоззрениями была проделана та же инволюция, что и с православием. Зато появились европейские философско-социальные концепции. Так возникли безотчетная вера в технический прогресс, который якобы осчастливит человечество»²¹.

²⁰ Леонтьев Д.А. Труд становится человеком и удовольствие оставаться обезьяной // Гуманитарный альманах «Человек. RU». 2007. № 7. С. 166.

²¹ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2007. С. 48.

¹⁹ Васильев И. Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вояков Казанской и Вятской Губерний. Казань, 1906. С. 84-85.

Культура — это то, что возделывается, воспроизводится благодаря консерватизму. К.Д. Ушинский отмечал, что каждый народ интересен своей народностью, что «у каждого народа своя особенная национальная система воспитания; а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным»²².

Консервативная этнокультура — основа социального прогресса. И наша задача — обеспечить преемственность поколений, способствовать становлению носителя этнокультуры. Мифология, система табу, традиции, трудовой образ жизни, народная мудрость направлены на самостановление человека как субъекта социума. Этнопедагогика без специальных ухищрённых методов и приёмов вырабатывает в личности ребёнка «мотор», «руль» и «тормоза», называемые «честь», «душа», «совесть». Соответственно носителем этнокультуры управляют честь, душа, совесть, а не внешнее принуждение.

Носитель этнокультуры самодеятелен: творит самого себя (своё физическое, психическое и духовное здоровье), накапливает знания, умения и навыки, творит материальные и духовные ценности. И с этнокультурой, с творчеством народа не может сравниться ни один «продвинутый» человек.

Носитель удмуртской национальной культуры:

- знает язык и историю своего этноса;
- как патриот готов защищать Родину от врагов, любит родные места, природу родного края, охраняет окружающую среду, трудится во имя расцвета материального и духовного благосостояния своего народа, почитает старших, бережно относится к достоянию предков, их культуре;
- способен оценить и уважать инородную культуру;
- владеет этномедициной, здоров физически, психически и нравственно;
- по характеру открытый, толерантный, имеет восторженно-поэтическое восприятие мира;
- способен идеализировать другого человека, соответственно, способен любить;
- соблюдает традиции, обычаи, обряды, ритуалы;
- способен управлять собой (через соблюдение системы табу);
- ведёт трудовой образ жизни;
- самодеятелен, является субъектом, напоминает самопрограммирующуюся систему в отличие от робота, действующего по заданной программе.

Некоторые с восхищением говорят: «Кузёбай Герд поднялся до европейского уровня». Действительно, многих удивляет феномен Кузёбая Герда. Но хочется

задать вопрос: «А когда западный человек поднимется до уровня духовности Кузёбая Герда?» И в таком вопросе нет никакой позы.

Кузёбай Герд тоже уловил западную тенденцию к потере традиций (старины) и началу примитивизации духовной жизни и социального регресса. Он выражал недовольство удмуртской **интеллигенцией**, поражённой национальным нигилизмом и неспособной оценить высокий уровень культуры и человеческие качества носителей этнокультуры.

Экспансивная по своей сути цивилизация разрушила стройную мифологию и создала эклектические социальные мифы. Чужеродное вторжение в духовную жизнь этноса способствует разрушению преемственности поколений, маргинализации населения, формированию национального нигилизма.

Разрушение этнокультуры есть разрушение человека как феномена. «Если раньше каждый отрезок линейного и циклического времени был маркирован отдельными ритуалами и празднествами, от участия в которых, согласно верованиям, зависел космический порядок, хаос превращался в космос, то сегодняшняя распавшаяся межпоколенная связь, утрата традиционных взглядов, даже на уровне осознания их как определённой стадии развития этнической культуры, разрушает космос личности. Размывается «жанр» человека как такового, что является, по видимому, одной из главных причин физического самоуничтожения. Форма его в виде отношения к экологии, пьянства или наложения на себя рук сути не меняет»²³.

Просвещение принесло пользу в своё время как дополнение к этнокультуре. Но наука и просвещение оказались неспособными достойно оценить традиционную культуру как синкретичную систему и преуспели в вытеснении этнокультуры. Признав мифологическое мышление низшим этапом движения к научному мышлению, просвещение принялось разрушать культуру на всех уровнях.

В процессе становления целостного человека нельзя ограничиваться рамками бездушной науки, самый надёжный путь к обретению человечности лежит через приобщение к народной мудрости (фольклору). Минув народность, невозможно движение к общечеловеческой культуре. Культурный человек является носителем той или иной этнокультуры, носителем души того или иного этноса. Этнической идентичности противостоят космополитизм и на-

²² Там же. С. 283.

²³ Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 99.

циональный нигилизм. Космополитизм игнорирует самобытность этноса, стремясь к монизму и достижению гомогенности, не принимая плюрализм как философский принцип. Космополиты из самых лучших побуждений хотели бы, отказавшись от этнических различий, прийти к антропологической идентичности.

Национальный нигилизм формируется через систему внешних воздействий на мировоззрение, через внушение персоне об исторической и культурной несостоятельности его этноса. Это социальная аномия. Национальный нигилист обладает трудно излечимым психическим недугом (комплексом ущербности, неполноценности). Он не имеет чувства собственного

достоинства, не является ни патриотом своей Родины, ни интернационалистом. В его адрес очень резко выразился чувашский просветитель Иван Яковлев: «Только самый ничтожный человек может говорить о ничтожности своей нации».

Проблема национального нигилизма для России актуальна. Национальный нигилист далёк от душевности и духовности, не имеет принципов и верных ориентиров в жизни, не способен отделить главное от второстепенного, находится рядом с манкуртом, не помнящим своего родства и убившим свою мать (в романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок»). Подобные беспринципные персоны пополняют ряды представителей социальной аномии.

Список литературы:

1. Амонашвили Ш.А. Истина школы. М., 2006.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984-1985. М., 1986.
3. Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
4. Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской Губерний. Казань, 1906.
5. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.
6. Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997.
7. Гришкина М.Г., Корепанов К.И. Дауръёс пыр: Вашкала-вашкала удмуртъёс сярсы очеркъёс. Ижевск: Удмуртия, 1997 (на удм. яз).
8. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2007.
9. Леонтьев Д.А. Труд становится человеком и удовольствие оставаться обезьяной. // Гуманитарный альманах «Человек. RU». 2007. № 7.
10. Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары, 2004.
11. Мизов Н. Праздник как общественное мнение. София, 1966.
12. Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
13. Рамбо А. Живописная история древней и новой России / Пер. с фр. М.: Современник, 1994.
14. Спирова Э.М. Символ в истолковании К. Леви-Стросса // Философия и культура. 2008. № 5.
15. Спирова Э.М. Пауль Тиллих о символической природе культуры // Философия и культура. 2009. № 6.
16. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 тт. М.: Правда, 1987. Т. 11.
17. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т.Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987.
18. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании. Избранные произведения. М., 1968.
19. Трубецкой Н.С. Русская проблема. М., 1921.
20. Шажинбатын А. Проблема культурной идентичности // Эдип. 2008. № 3.
21. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.

References (transliteration):

1. Amonashvili Sh.A. Istina shkoly. M., 2006.
2. Bakhtin M.M. K filosofii postupka // Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik: 1984-1985. M., 1986.
3. Benifand A.V. Prazdnik: sushchnost', istoriya, sovremennost'. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1986.
4. Vasil'ev I. Obzrenie yazycheskikh obryadov, sueveriy i verovaniy votyakov Kazanskoy i Vyatskoy Guberniy. Kazan', 1906.

5. Vladykina T.G. Udmurtskiy fol'klor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki: Monografiya. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997.
6. Gerd K. O ney ya pesn' poyu...: Stikhi i poem, stat'i i nauchnye raboty, pis'ma. Izhevsk: Udmurtiya, 1997.
7. Grishkina M.G., Korepanov K.I. Daur'es pyr: Vashkala-vashkala udmurt'es syarys' ocherk'es. Izhevsk: Udmurtiya, 1997 (na udm. yaz).
8. Gumilev L.N. Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii. M., 2007.
9. Leont'ev D.A. Trud stanovit'sya chelovekom i udovol'stvie ostavat'sya obez'yanoy. // Gumanitarnyy al'manakh «Chelovek. RU». 2007. № 7.
10. Madurov D.F. Traditsionnoe dekorativnoe iskusstvo i prazdniki chivashey. Cheboksary, 2004.
11. Mizov N. Prazdnik kak obshchestvennoe mnenie. Sofiya, 1966.
12. Narody Rossii: entsiklopediya. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1994.
13. Rambo A. Zhivopisnaya istoriya drevney i novoy Rossii / Per. s fr. M.: Sovremennik, 1994.
14. Spirova E.M. Simvol v istolkovanii K. Levi-Strossa // Filosofiya i kul'tura. 2008. № 5.
15. Spirova E.M. Paul' Tiliikh o simvolicheskoy prirode kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 6.
16. Tolstoy L.N. Sobr. soch. v 12 tt. M.: Pravda, 1987. T. 11.
17. Udmurtskiy fol'klor: Poslovitsy, aforizmy i pogovorki / Sostavitel' T.G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtiya, 1987.
18. Ushinskiy K.D. O narodnosti v obshchestvennom vospitanii. Izbrannye proizvedeniya. M., 1968.
19. Trubetskoy N.S. Russkaya problema. M., 1921.
20. Shazhinbatyn A. Problema kul'turnoy identichnosti // Edip, filosofskiy, psikhoanaliticheskiy i pedagogicheskiy zhurnal. 2008. № 3.
21. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. 1. Geshtal't i deystvitel'nost' / Per. s nem. K.A. Svas'yana. M.: Mysl', 1993.